

УДК 1(38) + 27

ПРИМИРЕНИЕ Λόγος и ἀλήθεια В ЛИЧНОСТИ ИИСУСА ХРИСТА

Феллер Максим Викторович

аспирант, кафедра теологии и религиоведения,"

Саратовский государственный университет"

E-mail: maksfell@mail.ru

Западное мышление представляет собой систему основных понятий, которые, проходя через всю его историю, определяли и индивидуальность больших исторических эпох. Таковыми являются понятия ἀλήθεια (истины) и Λόγος (Слова). Полнота понимания христианского Логоса-Слова зависит от адекватного понимания предшествующего ему греческого учения. В греческой философии «слово» было тесно связано с «истиной», но по мере рационализации греческой мысли происходило сущностное взаимоотношение «истины» от «слова». Христианство же преодолело их отъединенность, выразив их тождественную близость в личности Иисуса Христа: «Я есть путь и истина и жизнь».

Ключевые слова: греческий Λόγος, христианский Λόγος, ἀλήθεια, κένωσις.

Историю западной мысли принято делить на три основных исторических этапа: Античность, Средневековье и Новое время. Каждый из этих этапов обладает диалектикой целого и части, т.е. любому из них необходимо присущи, с одной стороны, индивидуальность и неповторимость, а с другой – то общее, что сближает его с остальными. Такой ход мысли особенно важен в том случае, когда речь заходит об учениях, прошедших через всю историю мысли, составив «особость» целых исторических эпох. Одним из таких фундаментов западного мышления является греко-христианское учение о Λόγος.

Несмотря на высокую степень самостоятельности, христианское учение получает наиболее полное осмысление в его соотношении с греческим аналогом. Разумеется, греческое мышление, несмотря на его предшествующее по времени положение, все же не являлось истоком христианской мысли. Вопрос о наличии такового истока является весьма трудной задачей, которую мы в нашей работе перед собой не ставим, однако существует некая близость в понимании божественного Слова, присущая двум названным традициям, именно ее рассмотрение и позволит нам прояснить сущность христианского Логоса как важнейшего атрибута в миропонимании христиан.

В первую очередь, необходимо определить этимологическую близость греческого понятия христианскому. Следует отметить, что такие слова невозможно перевести каким-то одним, которое бы полностью удовлетворяло потребности любого исследования: так, в зависимости

от контекста, слово λόγος насчитывает более трех десятков значений, среди которых наиболее распространёнными являются «слово», «разум» и «закон». Однако до того, как λόγος стал ассоциироваться со словом и речью, он означал «сбор», который происходит от λέγειν – «собирать», «средоточать». Именно эта тропинка изначального смысла позволяет нам прийти к пониманию сути изначального слова.

При разборе сущности λόγος следует обратить внимание на тот факт, что согласно греческой мысли человеческое слово – λόγος – носит то же имя, что и божественное – Λόγος. Тогда значение «собирать» или «средоточать» должно обладать той же двусмысленностью. Так, божественное необходимо обладает первенством бытия и содержит в себе (является средоточием) все в единстве, человеческое же раскрывается в уподоблении божественному, а потому собирает себя в единство.

Понятие «сбора», применяемое в отношении к божественной сущности, может быть истолковано исключительно в значении «собрания» или «средоточия», т.е. того, что в нем уже присутствует или есть. При этом глагол «есть» означает то же, что и «быть», и таким образом вопрос о сущности сбора относит нас к вопросу о сущности бытия.

Согласно греческой мысли в слове (λόγος) раскрывается суть вещи – ее бытие. Это раскрытие в Греции носило имя «истины» – ἀλήθεια – и имело значение борьбы с утаенным, с тайной. Истина представлялась не только как область мышления, но и как область явления самого сущего. Именно в области ἀλήθεια происходит «уподобление раскрывающего речения обнаруживающему себя, раскрытому сущему» [1, с. 113], то что греки называли ὁμοίωσις. Ἀλήθεια, таким образом, в ранней греческой философии не замыкается на одном только мышлении, но есть, в первую очередь, само бытие, разворачивающееся перед мышлением.

Ранней греческой философии было свойственно чуткое восприятие мифа как целостного понимания мира. В так называемой «дидактической поэме» Парменид зовет истину богиней, которая встречает его приветственным словом

«Привет тебе! Ибо не Злая Участь (Мойра) вела тебя пойти по этому пути» [2, с. 287]. Эта богиня не есть только покровительствующая истине, но «сама истина постигается как богиня» [1, с. 22]. В поэме философ говорит устами самой богини, что закрепляет представление о личностном характере истины. Отметим ее характерную абстрактность (что не способствует ее сравнению с другими греческими богами), а также ее некоторое сходство с богиней-утешительницей Боэция. Когда мыслитель пребывал в смятении и печали, к нему пришла некая женщина «с лицом, исполненным достоинства, и пылающими очами, зоркостью своей далеко превосходящими человеческие» [3, с. 190]. Философия, явившаяся перед ним, указала ему на путь, ведущий к исцелению его недуга. Именно здесь и содержится их (истины Парменида и философии Боэция) основная черта сущности – они не отдают приказы, а показывают, раскрывают.

Понимание Λόγος в значительной степени зависит от понимания ἀλήθεια. Ведь Λόγος и ἀλήθεια в своем основании называют одно – бытие. Они называют две его основополагающие черты: единство (средоточие) и само-раскрывание: их абстрактное дополняется их личностным. Человек, точнее, его мышление, таким образом, получает определенную форму зависимости от божественного: оно собирает себя по божественному указанию.

Изменение в понимании λόγος, произошедшее в эпоху высокой классики, непосредственным образом связано с изменением в понимании ἀλήθεια. Суть нового понимания истины содержится в платоновом «Государстве», в так называемой «притче о пещере». В ней существо истины становится иерархичным и требующим настройки мышления. Так, изначально не настроенное мышление почитает за истину (ἀλήθεια) не сами вещи как они есть, а лишь их тени, явленные к тому же при искусственном освещении. Настройка, или сосредоточение мышления разрывает оковы, мешающие правильному взгляду на вещь, и возникает возможность видеть более истинное (ἀληθέστερα). Более того, невероятное усилие способно вывести мышление из узкого мира пещеры и раскрыть перед ним то наистиннейшее или самое истинное (ἀληθέστατον) как подлинное бытие вещей «как они есть». Таким образом, мышление берет верх над самораскрытием сущего, что лишает истину присущей ей некогда двойственности. Ведь теперь возможность явления сущего полностью зависит от настроенности мысли на постижение этого сущего: «Истина не есть больше как несокрытость, основочерта самого бытия, но вследствие подъяремности идее она стала правильностью» [4, с. 40]. Правильность же предстает как правиль-

ная установка взгляда на вещь, определяющая правильность мысли.

Этот вывод еще не был настолько очевиден для Платона, насколько он уже явно присутствует в последующей философии в лице Аристотеля и стоиков. Последними был сделан решительный шаг на пути отвлечения существа истины от первоначального значения раскрытия и заключения ее в тесные рамки логических утверждений: «Истинное есть утверждение, утверждение же есть словесное выражение (λεκτόν), а словесное выражение бестелесно» [5, с. 67]. Потеря телесности и обретение бестелесности отдаляет истину от человека и приводит ее понимание к безличностному смыслу. Таким образом, мифическая форма истины-богини, что значит истина-Кто, уступает место истине-смыслу, т.е. во времена высокой классики становится истиной-что.

Более того, стоическое понимание истины теперь вовсе не связывается с λόγος. Сам λόγος более не атрибут человеческого восхождения к божественности, но в новом представлении он есть одно из начал любой вещи – ее действующее (ποιοῦν) начало. Обезличение истины, произошедшее вследствие значительного отдаления от мифического мировосприятия, в значительной степени повлекло за собой и абсолютную отвлеченность недавно еще отличительного признака человеческой сущности – λόγος.

Греческое понимание λόγος, необходимым образом связанное с понятием ἀλήθεια, должно рассматривать исключительно в его развитии, поскольку именно так становится более очевидным различие между позднемифическим представлением и собственно философским (периода зрелой философии). В последнем происходит явное нарастание значимости человеческого мышления, выраженное в установке мыслить нечто, исходя из себя, не прибегая к какому-либо рода божественным откровениям.

Христианская мысль, давшая начало новой мыслительной эпохе, имеет множество черт, сближающих ее с тем изначальным пониманием божественного слова, которое было присуще ранней греческой философии.

Греческий λόγος довольно рано стал ассоциироваться с речью. При этом его этимологическая особенность, исходящая из наиболее раннего значения слова λέγειν – «собрать», оставалась скрыто присутствующей в греческом понимании слова как такового. Такое скрытое присутствие целого пласта смыслов в одном слове не может быть явным для абсолютно посторонней традиции. Только та традиция, в которой содержится понимание сути греческого слова, может развивать учение о божественном Λόγος. Поэтому христианский Λόγος имеет ту же особенность и тот же смысл, что и греческий – средоточие.

Ранее мы говорили, что Λόγος является средоточием бытия всего сущего, что справедливо и для Логоса-Христа: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1:3).

Понятие «бытие» в известной степени отвлеченное, не обладающее необходимой степенью конкретизации. Его конкретизация приходит в контексте конкретизирующего «я» или «мира». Так, конкретизация бытия какого-либо известного «я» производит понятие судьбы, конкретизация бытия мира есть история. Логос-Христос есть творец мира, он наделил мир его актуальным бытием – его историей. Таким образом, Логос представляется «не царством идей, значимостей и законов, правящим и смыслополагающим в истории, но самой историей» [6, с. 22].

Абсолютная уникальность христианского понимания Λόγος заключена в факте воплощения божественного Слова. Тем самым нисхождение (κένωσις) Бога открывает возможность преодоления той фундаментальной оторванности человека от Бога, которая существовала прежде. Ведь Бог присутствует в мире, но не принадлежит ему, а потому сущностный разрыв между творцом и тварью не актуален для творца, но актуален для твари, следовательно, возможность преодоления этой разорванности необходимо связывается именно с человеком и только с ним.

Воплощение суть предельная актуализация личностного в Боге, когда в едином сущем сошлись две природы: божественная и человеческая. Восстановление этой связи непосредственным образом изменяет саму норму человеческой жизни: «Если “один из нас” бытийно един с Божиим словом и Божиим спасительным деянием, то тем самым он <...> возвышается до статуса нормы нашей сущности и нашей конкретной истории» [6, с.16].

Более того, факт пришествия Логоса знаменует собой наступление того, что по-гречески зовется κρίσις – переломного состояния мира. «Суд [κρίσις] же состоит в том, что свет пришел в мир» (Ин. 3:19). В этом мировом сломе видится конец прежнего и начало наступившего, в некотором смысле этот перелом означает творение мира заново. «Нельзя оставить без внимания того обстоятельства, – говорит Ориген, – что Священное Писание называет создание мира

<...> καταβολή мира <...> В греческом же языке καταβολή означает скорее низвержение» [7, с. 316]. Таким образом, творение представляет собой низведение вообще всех существ «из высшего состояния в низшее». Это понимание творения расширяет понятие кенозиса Бога: высшая сущность низошла до низшего состояния с тем, чтобы со-служить миру, указав ему Бога. Это божественное, по сути, указание и есть творение нового мира – мира, знающего Бога.

Лучше всего новое понимание Логоса передают слова самого Христа: «Я есть путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6). Абсолютная простота этой формулировки в полной мере отражает невыразимую глубину ее смысла. Если перевести эти слова на категориальный язык философии, то «путь» есть делание (как), «истина» есть указание (куда), «жизнь» есть присутствие (кто).

Христианский Логос, таким образом, несмотря на определенную сущностную близость греческому учению, не является ни продолжением послеклассической греческой традиции, ни возвращением к древней форме мифа. В нем присутствует совершенно иное понимание, нежели когда-либо присутствовало в Греции – воплощение Бога-Слова. Воплощение не оставляет места для какого-либо рода абстрактности Логоса, в той или иной степени всегда присутствующей в греческом понимании. Абсолютное неприятие абстракции определяет новое понимание Логоса как истинной личности, делающее Бога как никогда ранее близким человеку.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб., 2009. 383 с.
2. Фрагменты ранних греческих философов : в 2 ч. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. 575 с.
3. Бозций. Утешение философией. М., 1990. 413 с.
4. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Семь встреч с Хайдеггером / сост. Т. В. Васильева. М., 2004. С. 15–46.
5. Секст Эмпирик. Против ученых : соч. : в 2 т. Т. 1 / вступ. статья и пер. с древнегреч. А. Ф. Лосева. М., 1975. 398 с.
6. фон Бальтазар Х. У. Теология истории. М., 2006. 135 с.
7. Ориген. О началах. Против Цельса. СПб., 2008. 790 с.

Λόγος and ἀλήθεια Reconciliation in the Jesus Christ Personality

M. V. Feller

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: maksfell@mail.ru

Western thought contains the system of the fundamental ideas that getting through its entire history determined also the large historical epochs' individuality. Among them are the ideas of ἀλήθεια and Λόγος. The Christian understanding entirety of Logos-Word depends on the adequate

understanding of the Greek school of thought that it follows. The «word» and the «truth» were the closely connected ideas in the Greek philosophy, but with the process of the Greek thought rationalization, the essential estrangement became more significant. As a result the «truth» turned to be «consistent» while human thought become methodological and generative. It is the Christianity that overcame this estrangement by showing their identical congeniality in Jesus Christ personality: «I am the way, and the truth, and the life».

Key words: greek Λόγος, Christ Λόγος, ἀλήθεια, κένωσις.

References

1. Heidegger M. *Parmenides* (Winter semester 1942/43). 2nd ed. Ed. M. S. Frings. Frankfurt a/M., 252 p. (Russ. ed. Khaydegger M. *Parmenid*), St.-Petersburg, 2009. 383 p.
2. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov*: v 2 ch., Ch. 1. Ot epicheskikh teokosmogonii do voznikoveniya atomistiki (Fragments of the early Greek philosophers: in 2 part. Part 1. From the epical theocosmogony to the emergence of the atomic theory). Moscow, 1989, 575 p.
3. Boethii A. M. S. *Philosophiae Consolation*. Ed. L. Bieler. Turnhout, 1984. 410 p. (Rus. ed.: Boetsiy. *Utesheniye filosofiyey*). Moscow, 1990. 413 p.
4. Heidegger M. *Platon's Lehre von der wahreit. Wegmarken* (1916–1961). Ed. F.-W. von Hermann. Frankfurt a/M., 2004. 488 p. (Rus. ed.: Khaydegger M. *Ucheniye Platona ob istine*), Moscow, 2004, pp. 15–46.
5. *Sekst Empirik. Protiv uchenyh. Sochineniya*: v 2 t. T. 1. (Against the Professors). Vstupit. stat'ya i per. s drevnegrech. A. F. Loseva. Moscow, 1975. 398 p.
6. von Balthasar H. U. *Theologie der Gesduchte*. Freiburg im Breisgau, 1959. 120 p. (Rus. ed.: fon Baltazar H. U. *Teologiya istorii*. Moscow, 2006, 135 p.).
7. Origen. *O nachalakh* (On First Principles). St.-Petersburg, 2008. 790 p.